

Не только Линь и Фельдграу должны были идти в комнату очищения — с ними шла и Яркитога.

— Старею, старею... — стройная котолюдка шла в центре них, потирая плечо. — С тех пор как перевелась работать в школу, я больше ни разу не бодрствовала до утра. Верховный инквизитор, да я же согласилась стать директором ритуального подразделения ценой собственной жизни! Может, вы хотя бы добавьте немного бюджета нашему подразделению?

В школе она без конца донимала директора, чтобы тот выделил больше средств на закупку материалов и ремонт ритуальных залов — и, похоже, в центральное отделение Инквизиции она принесла ту же привычку. Впрочем, возможно, это было связано с тем, что в душе она ещё не до конца смирилась со сменой своей должности.

Линь зевнул.

Он заговорил с наставницей о пустяках, чтобы не заснуть прямо на ходу:

— Разве котолюды не славятся умением не спать ночами?

— Это миф! — громко возразила Яркитога. — Согласно записям, котолюды активнее всего в сумерках — на рассвете и в закат! Все представители кошачьих звероловов такие! Мы ночью спим, как и нормальные люди!

Сказав это, она нахмурилась.

— Кстати, мне давно любопытно, почему шесть утра называют рассветом, а восемнадцать — закатом?

«Действительно, почему?»

Линь вдруг замолк, уголки его губ опустились. Фельдграу заметил это.

Темноволосый ритуалист с завязанными глазами порой внезапно становился мрачным, и даже Фельдграу, наблюдавший за ним постоянно, не всегда мог понять причину.

Он отвёл взгляд и сказал:

— Ночные бдения действительно вредны. Обычно ритуалисты в центральном отделении работают днём и имеют два выходных.

— Но ведь в центральном отделении установлено множество ритуалов, за которыми нужно круглосуточно наблюдать, — вздохнула Яркитога, потирая лицо, будто уже заранее скорбя о

грядущих тёмных кругах под глазами.

— Всего раз в неделю, — хоть он и выглядел подавленным, Линь, как всегда, первым поспешил успокоить наставницу.

После этих слов тень на его лице заметно рассеялась.

— Раз в неделю — это уже немало, — простила Яркитога, и Линь увлёк её в обсуждение только что проведённого ритуала. Стоило им перейти к профессиональной теме, как настроение обоих выровнялось.

— Если осколок был где-то рядом с центральным отделением, по идее, его можно было бы вызвать, следуя по линии связи. Раз не получилось — значит, он действительно сгорел? — Яркитога с беспокойством посмотрела на Линя. — Если так, то боль в твоём глазу — это проклятие тёмного бога. Даже если этот бог уже мёртв, снять подобное проклятие почти невозможно, верно?

Линь, знавший, что дело вовсе не в проклятии, хоть и не нашёл способа избавиться от боли в глазу, теперь чувствовал себя куда увереннее, чем раньше.

«Я ведь человек, которого даже верховный инквизитор не смог убить выстрелом», — подумал он, и тут у него появилась одна опасная мысль.

Хотя, если юный тёмный бог её воплотит, то окончательно вступит в смертельную вражду с Девой Серебряной Луны. Вспомнив, как яростно она преследует Мать Первозданной Крови, Линь почувствовал, как у него внутри похолодело.

И всё же — если он ничего не предпримет, отпустит ли его Дева Серебряной Луны, когда узнает, кто он такой?

«Борьба между богами с пересекающимися областями власти всегда самая жестокая. А я и Дева Серебряной Луны...»

Задумавшись о вещах, которые нельзя было даже произносить вслух, Линь ответил наставнице:

— Да, снять его почти никто не сможет. В худшем случае можно просто вырезать левый глаз и заменить его протезом, как это сделал заместитель верховного инквизитора.

Заместитель верховного инквизитора, будучи высшим рыцарем крови, имел искусственную ногу: его правую ступню когда-то прокляли десятки культистов, пожертвовавших ради этого жизнями. Даже после того как ногу отсекли и отрастили заново с помощью магии плоти, проклятие возникло вновь. Ни один епископ Дракона Света не смог его очистить, и в конце концов пришлось заменить конечность механическим протезом.

Но случай Линя был в своей сути иным — объяснить это он не мог, и потому ограничился уклончивым ответом.

Яркитога тут же начала отчитывать его за чрезмерное использование жертв из плоти, и Линь, лишь вяло поддакивая, с облегчением вздохнул, когда они наконец дошли до комнаты очищения.

— Верховный инквизитор, вы все втроём? — спросил маг света у стойки регистрации под потолочной лампой.

— Втроём, — ответил Фельдграу.

Маг света закончил запись и позвал другого сотрудника, чтобы тот проводил их внутрь.

Стоило им войти, как их ослепил белый свет.

Пол, стены, потолок — всё было не просто белым, но и излучало сияние. Световые ленты разной толщины плавали в воздухе, переплетаясь в узоры и разделяя огромную комнату очищения на девять квадратных секций, будто клетки магической сетки.

Свет, конечно, давал и жар: стоило лишь войти, как на Линя дохнуло волной тепла.

Шпиневиль, как и большинство подземных городов, с первого по девятый уровень сохранял почти постоянную температуру — около десяти градусов; прохладно, но терпимо. Ниже десятых уровней температура постепенно повышалась; частные дома в богатых районах держались примерно на отметке двадцати градусов — самой комфортной.

А вот в комнате очищения жара стояла почти как в разгаре лета.

Такой, когда из-за Эль-Ниньо температура переваливала за сорок градусов.

К тому же воздух здесь был крайне сухим. Вентиляция работала так, что в нём почти не оставалось влаги, даже пыль отсутствовала. Влага, выдыхаемая людьми, мгновенно исчезала в процессе циркуляции воздушных потоков.

Побыть в таком помещении даже короткое время — всё равно что застрять в полдень с поломанной машиной посреди Лобнора без капли воды: через пару часов ты превратишься в сухарик.

Маги света раздали каждому по бутылке святой воды.

В этой жаре жажда приходила быстро, и святая вода служила восполнением влаги.

Линь принял металлическую бутылку с трубочкой, сделал глоток — и, повернув голову, скользнул взглядом в сторону одного из соседних отсеков.

Там держали человека.

Или, точнее, то, что когда-то являлось человеком, но стало демоном.

Рядом с демоном стояла капельница, из которой святая вода по трубке должна была поступать в его тело.

Однако штатив капельницы валялся на полу, иглу явно выдернули. Демон метался по комнате, ища хоть какой-нибудь тёмный угол.

Его влажные, спутанные волосы с ползающими по ним личинками; лицо, покрытое кладками яиц; сгнившие до костей руки и ноги; изъеденные до чёрного скелета дыры, из которых сочилась чернота; а также клубящаяся вокруг него чёрная дымка, в которой копошились крошечные насекомые, — всё это ясно показывало: перед ними находился малый эпидемон, созданный из человека, заражённого магией Тёмного Солнца.

Такие малые эпидемоны обычно прятались в инженерных тоннелях между уровнями. Электрические кабели, телефонные линии, трубы подачи и отвода воды проходили через эти тоннели в каждую квартиру, и стоило одному такому демону заразить водопровод — вскоре весь этаж оказывался охвачен вспышкой болезни.

Заметив, что Линь остановился перед демоном, Фельдграу тоже повернул голову в ту сторону.

Маг света, не понимая причины, последовал их взгляду, и Фельдграу пояснил:

— Это один из заражённых, доставленный снизу. Состояние было слишком тяжёлым, поэтому его сразу перевели в центральное отделение. Но прибыл он поздновато — мы тянули около десяти дней. Сегодня он дошёл до последней стадии превращения в демона. Жаль.

Он поднял руку и коснулся лба, произнося короткую молитву:

— Пусть Дракон Света простит его душу, не сумевшую выдержать до конца, и даст ей покой в очищающем пламени. Бедняга.

«Осквернение».

Раньше Линь считал его лишь бедствием, посланным тёмными богами, но теперь, глядя на это, испытывал странную смесь чувств.

Осквернённые становились главным источником демонов. Если до появления Шести Столпов именно такой уровень осквернения являлся нормой, Линь не мог даже представить, каким тогда был мир.

Если Шесть Столпов действительно изменили саму природу магии, лишив её скверны, то с человеческой точки зрения они совершили величайшее деяние.

А значит, теперь вопрос стоял о нём самом.

«Обладает ли моя магия свойством осквернять?»

Отличный вопрос — ведь Линь даже не знал, есть ли у него вообще магия.

До сих пор, пользуясь своими способностями — различая эмоции в зеркальных отражениях, возвращаясь во времени через зеркала или даже входя в сны, — он никогда не ощущал, что расходует магическую силу.

Служители описывали магию как резервуар воды: применяя заклинания, они чувствовали, как из «водоёма» вытекает поток энергии, формируя её невидимой рукой, изменяя материю. Но у Линя этого ощущения не было — он просто имел намерение, и нужное происходило.

Потому он никогда и не задумывался, что может нести в себе магию тёмных богов и быть опасен для других.

Из тех, кто находился под его влиянием, лишь Кристabelle Померан обладала слабым магическим даром, но этот дар не рос сам по себе и, похоже, не вызывал у неё никаких признаков осквернения.

«Подождите... Действительно ли не вызывал?»

У каждого заражённого в инкубационный период появлялись изменения — они становились холодными, жаждущими крови, переставали воспринимать людей как себе подобных.

А Кристabelle? Стала ли она холодной? Нет — она по-прежнему любила дочь; испытывала благодарность по отношению к инквизиторам, помогавшим ей; и мстила только тем, кто причинил ей зло. Когда ей давали учебные задания, она даже колебалась. Выходит, чувства у неё остались — кроме страха, их было даже слишком много.

«Но всё же... она словно вкусила крови. Нет, не то — её первое убийство принесло ей

освобождающее удовольствие, изменившее часть личности».

С тех пор в ней жило желание убивать — не безумное, а скорее инстинктивное, как способ избавляться от тревоги.

Она не желала зла дочери и простым людям — значит, это не было настоящей кровожадностью.

Линь временно отбросил мысль об осквернении Кристабель и с облегчением выдохнул.

Однако идея помочь ей получить силу служителя теперь требовала куда большей осторожности.

— Линь, — позвал его Фельдграу, — мы идём сюда.

Маг света открыл для них свободную комнату, где им требовались оставаться, пока они не выпьют всю святую воду.

Можно было осушить бутылку сразу, а потом в течение установленного времени терпеть жар, зуд выступившей на коже от пота соли, и жжение в пересохших носу и горле. Но легче всё же было пить понемногу.

Линь, чувствуя усталость и боясь, что из-за них забудет допить до конца, просто залпом опрокинул в себя всё содержимое бутылки.

То же сделала и Яркитога. Только Фельдграу, их верховный инквизитор, спокойно сел, поставил свою воду в сторону и достал блокнот — стал записывать что-то.

Он составлял отчёт о встрече с новым демоном с серебряными глазами.

Линь ещё не знал, что спустя какое-то время сможет увидеть собственное «портретное сходство» в обновлённом издании «Энциклопедии тёмных существ».

Фельдграу, по памяти изобразив силуэт молодого мужчины с расплывчатыми чертами и ясно прорисованными серебристыми глазами, поднял голову: Яркитога на другой стороне комнаты зевала, а Линь, свернувшись клубком и прикрывая лицо рукой, спал на полу.

Без стандартного чёрного пальто инквизитора он выглядел ещё более хрупким.

Очищение почти завершилось. Яркитога, обмахиваясь рукой, устало заметила, глядя на Фельдграу:

— У Линя врождённое заболевание. Телосложение у него, прямо скажем, никудышное.

Фельдграу увидел, как к ним направляется маг света, чтобы объявить о завершении очищения. Он убрал блокнот и подошёл к Линю.

Птицелюд хотел было взять его на руки, но после короткого раздумья использовал телекинез, мягко приподняв Линя в воздух.

— В таком состоянии он точно не дойдёт до комнаты отдыха ритуального подразделения, — сказал он Яркитоге. — Пусть ваш ученик поспит на диване в моём кабинете. Всё равно я собирался докладывать арх-инквизитору.

Верховный инквизитор, не спавший уже несколько суток, действительно не собирался отдыхать — диван всё равно пустовал.

— Лишь бы не мешал вам говорить с арх-инквизитора, — устало ответила Яркитога. — Передаю его вам, верховный инквизитор.

— ...Вот так прошёл ритуал и случился инцидент, вызванный утечкой силы «Раковины». Доклад окончен, арх-инквизитор.

— Хм. Значит, ты столкнулся с демоном, подвластным Деве Серебряной Луны? Те прозрачные щупальца — её слуги в мире снов. Любопытно. Если ей приходится создавать там демонов, да ещё боеспособных, значит, сам сон ей противится. Но ведь Мелодия Раковины давно мертва — её остаточная сила не может больше сопротивляться Деве Серебряной Луны.

Голос арх-инквизитора по телефону звучал низко и задумчиво.

— Что ж, может, там осталось нечто иное... старый знакомый, которого мы давно не встречали, — пробормотал он.

После паузы он добавил:

— Фельдграу, расскажи о том демоне с серебряными глазами. ...Кстати, у тебя в комнате кто-то есть?

<http://bllate.org/book/12612/1119984>